ГЛАГОЛ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛЕКСИКИ

© В. Л. Ибрагимова

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тел.: +7 (917) 429 31 18.
E-mail: ivl334@yandex.ru

В статье рассматривается проблема ступенчатой дифференциации лексико-семантической области языка как многоуровневой системы, представлены основания этой дифференциации: способ соотнесённости уровня единиц с реалиями внеязыкового мира; общекатегориальное грамматико-семантическое; лексико-грамматическое; категориально-лексическое; индивидуально-лексическое. В рамках общей дифференциации словаря рассматривается глагол как класс слов процессуальной семантики, его дальнейшая субкатегоризация на грамматической и лексической основе, специфика значения глагольного слова на всех уровнях лексико-семантической системы языка. Подробно рассматривается синтагматическая роль глагольного слова как ядра высказывания, его способность предсказать структуру высказывания и его обобщённую семантику, что даёт основание рассматривать глагольное слово как свёрнутое предложение. На основе анализа констатируется принципиальная изоструктурность семантики глагольного слова и всего глагола как грамматико-семантического класса лексики.

Ключевые слова: *глагол, семантика, категория, значение, система, уровень, единица, отношение, идентификация, дифференциация, иерархия, общекатегориальный, отвлечённый.*

Известно, что системность – это одно из важнейших проявлений онтологии языка как явления действительности. Кроме того, будучи явлением знаково-отражательной природы, язык отражает в своих единицах и связях также сам системный характер организации мира в его физической, социальной и других ипостасях. Признание за языком свойства системности его организации повлекло за собой необходимость выявления в его границах конкретных проявлений системности, в частности единиц и отношений между единицами. В качестве одного из проявлений системности, в том числе в языке, признано свойство инклюзивности, в соответствии с которым язык рассматривается не просто как система, а как система систем, объективно включённых друг в друга, пересекающихся по разным признакам и обнаруживающих между собой разные типы отношений. Наука языкознание шла к пониманию такого положения вещей долго. Хотя уже во времена античности некоторые учёные прозревали наличие в языке свойства системности, концептуализация соответствующего взгляда на язык начала формироваться в трудах В. Фон Гумбольдта, а затем Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртенэ, их последователей. Практически весь XX век лингвистика развивалась под знаменем системологии, успешно используя системологический подход не только в плане развития теоретических воззрений, но и в конкретной исследовательской практике. Обобщённую модель языка как системы связанных друг с другом разнообразными отношениями подсистем, уровней и подуровнейпредставил в своих трудах Л.М. Васильев [1, с. 25–27], отразив в этой моделине только свойство его многомерности, но и инклюзивности, целостности, изоструктурности подсистем, взаимной коррелированности типов единиц планов содержания, материального выражения этих единиц и их оформления (в соответствии с трилатеральностью слова, которое, по-Соссюру, неизменно представляется нашему уму как нечто центральное во всём механизме языка).

Одной из традиционно выделяемых областей языка является его лексико-семантическая система. Именно она представляет собой по отношению к различным, частям речи, в том числе к глаголу, «объемлющую» систему, которая включает их в свой состав на одном из ближайших уровней как класс единиц грамматико-семантической природы. В свою очередь, глагол сам представляет собой систему, в которую объективно включены – на основании других критериев системности – всё более частные подсистемы. Таким образом, здесь отчётливо просматривается ступенчатый характер иерархии лексико-семантической системы языка(ср. с понятием ступенчатой идентификации Э. В. Кузнецовой),представленная на самом нижнем уровне лексико-семантической системы её дискретными единицами – отдельными словами-моносемантами и лексико-семантическими вариантами многозначных слов, которые в границах этого уровня соотнесены друг с другом разнообразными внутриуровневыми отношениями лексико-семантической окрашенности (синонимии, антонимии, полисемии и др.). Иерархичность структуры подсистем всех уровней и мерностей лексики является их универсальной особенностью. Складывающиеся исторически и существующие объективно, системные связи слов обнаруживают себя в диапазоне между самыми общими (широкими)и предельно конкретными (узкими, внутрисловными). Соответственно эти

связи формируют в пределах словаря классы единиц разных уровней его дифференциации. Что касается природы этих единиц – это не слова, а их лексико-семантические варианты, возникшие в ходе функционирования языка в результате «внутрисловного» развития значения, т.е. имплицитной семантической деривации слова как способ номинации смежных или сходных явлений действительности. В семантическом пространстве классов каждого уровня составляющие их единицы идентифицируются на основе общего для них интегрирующего системообразующего признака («критерия системности»). Интегрирующие признаки каждого из уровней словаря различаются по типу (грамматический/лексический) и степени абстрактности своего значения. Они представляют собой некую проекцию на семантическую область языка мотивационных основ формирования классов единиц в пределах каждого уровня. Конфигурация уровневой модели представления лексико-семантической области языка разворачивается по принципу ступенчатой дифференциации единиц, отражая динамику их межуровневых и внутриуровневых связей: вертикальных/горизонтальных, последовательных (цепочечных)/радиальных (веерных).

Лексико-семантическая область языка в целом – это некая совокупность однородных единиц, «вписанная» в тело языка наряду с совокупностями единиц иной языковой природы(например фонетической). В качестве системообразующего признака, который идентифицирует единицы этой области и одновременно дифференцирует её в пределах языка в целом, выступает их лексико-семантический статус. В данном аспекте бытия лексики имеет место нулевой уровень её системной дифференциации в пределах собственных границ.

Мотивационной основой системной дифференциации лексики на первом уровне членения является способ отражения в её единицах реалий внеязыкового мира действительности. Известно, что В.В. Виноградов в связи с этим, ссылаясь на традиционную грамматику, писал о четырёх структурно-семантических типах слов, в рамках которых и выделяются классы лексики частеречной природы. Отметим, что в контексте общей дифференциациилексики на рассматриваемом уровне терминологическое обозначение выделенных классов как структурно-семантических не отражает природы их соотнесённости с внеязыковой действительностью, а лишь особенности их грамматической (морфологической и синтаксической) реализованности.

Путём номинации соответствующих реалий действительности в языке формируется класс словназваний (номинативная лексика). Это например наименования объектов живой и неживой природы, макрообъектов, признаков, действий, состояний и т.д. Выражение личностного с позиции наблюдателя способа (модуса) видения реалий внешнего мира лежит в основе общеклассного значения модальных слов, содержащих разные оттенки модальности [2, с. 70]. Абстрактное выражение различных существующих или складывающихся между реалиями внеязыкового мира отношений (например совместности, противопоставленности, различных пространственных, временных, причинно-следственных и др.) свойственно классу связочной лексики. Выражение различных аффектов, нередко сопровождаемое в речи невербальными средствами, образует класс слов междометной природы.

Классы слов, идентифицируемых на структурно-семантической основе, на следующем уровне иерархии словаря дифференцированы в соответствии со способами ментально-языковой концептуализации восприятия разных типов реалий внеязыкового мира, то есть уже на чисто языковой основе. В пределах класса номинативной лексики формируются подклассы, единицы которых объединяются на основе общности по тому или иному абстрактному грамматико-категориальному признаку (субстанциональности, процессуальности, атрибутивности), а также – исторически позднее – классы единиц, совмещающих в своей грамматической семантике эти признаки (например причастия, наречия). Эти признаки имеют предельно обобщённый характер, соответственно таких классов – частей речи – в языках очень немного. Слова со временем развивают способность к межклассной горизонтальной транспозиции, ср.: *красивый> красота* (опредмеченный признак), *бегать >беготня* (опредмеченное действие) и т.п., что связано с дальнейшим развитием абстрагирующей способности мышления. Модальные, связочные и междометные слова на грамматико-категориальном уровне не дифференцированны, и поэтому нет оснований придавать им частеречный статус.

Дальнейшая дифференциация словаря в пределах классов грамматико-категориальной природы (частей речи) связана с отражением в его единицах не только грамматических, но и обобщённо-лексических компонентов семантики. На их основе выявляются классы, называемые в традиционном языкознании и лексико-грамматическими разрядами. Единицы лексико-грамматических разрядов характеризуются наборами конкретных грамматических (в соответствии с общечастеречной и менее общей лексико-грамматической природой) и лексических значений. На самом нижнем уровне иерархии словарь существует уже как система отдельных единиц с уникальным для каждой из них набором содержательно и функционально различных компонентов значений – сем (абстрактных, конкретных, грамматических, лексических, ядерных, периферийных, интегральных, дифференциальных и др.),многомерно коррелированных друг с другом по этим компонентам и в соответствии с конкретикой этих корреляций способных группироваться в различные лексико-семантические парадигмы: синонимические ряды, антонимические пары, лекси-

ко-семантические группы (сами эти группы могут представлять собой многомерные образования и содержать более частные подгруппы), группы родовидовой структуры,«внутрисловные» семантические парадигмы (состоящие из лексико-семантических вариантов одного и того же слова), словообразовательные гнёзда и их структурные части (учтём снова, что в деривационных процессах здесь участвуют всё же не слова, а их лексико-семантические варианты, поскольку лексика современных языков многозначна) и др.

Остановимся на вопросе более подробной лексико-семантической дифференциации глагола. Известно, что глагол – это не просто содержательно самая сложная, но и ёмкая категория. Говоря в общем, глагольное слово содержит в своей семантике как минимум два макрокомпонента: грамматический илексический. В составе грамматического макрокомпонента основное место принадлежит Обобщённо-грамматическому (общекатегориальному) значению глагола, в соответствии с которым он выделяется из всего массива номинативной лексики. Это значение чаще всего характеризуется как процессуальный, динамический признак (см. например Русская грамматика). Процессуальность – это некая ментально-языковая категория, которая присутствует в значении любого глагола, располагаясь на самой вершине иерархии его семантической структуры. Обладая предельно абстрактным содержанием, он эта категория способна обобщать в семантике глагола не только процессы как таковые(например *расти*, *развиваться*), но и действия (*строить*, *ломать*), изменения(*красить*, *варить*), состояния (*болеть*), отношения (*любить*, *равняться*), а также существование (*жить*, *быть*) и т.д.(в структуре семантики глагольного слова эти признаки имеют категориально-лексический статус). Именно по признаку процессуальности глагол объективно противопоставлен в составе номинативной лексики прилагательным и наречиям, которые называют признаки нединамические, статальные (ср. Грамматика…).Т.В. Булыгина видит различия между глаголом и неглагольными предикатами в другом: в характере их отношения к времени. Неглагольный предикат «приписывает субъекту постоянный, существенный, не подверженный изменению во времени признак», тогда как глагольный предикат «обозначает, скорее, признак преходящий, «случайный», присущий субъекту именно в данный момент (или период) времени» [3, с. 13–14]. Многие глаголы (например статальные типа *сидеть*, *стоять*) в самом деле сопротивляются попытке трактовать их категориальное значение как процессуальное (динамическое). Однако примем во внимание в данном случае коррелированность семантики таких глаголов с их каузативами и автокаузативами (*сажать*, *ставить*/*садиться*, *становиться*): они связаны семантической функцией результативности (сравним с содержательно близкими рассуждениями Н.Б. Лебедевой о полиситуативности глагольной семантики) [4]. Можно полагать, что в отношении глаголов непроцессуальной семантики общекатегориальный признак процессуальности проявляет себя как аспектуальный, видовой признак: в русском языке нет глаголов, которые находились бы вне указанной категории. Оставляя для обозначения общекатегориальной глагольной семы термин «процессуальность», возможно, целесообразно понимать его более широко, имея в виду аспектуальную и временну́ю маркированность общеглагольной семантики. Рассматриваемая общекатеориальная сема процессуальности, характеризующая любой глагол, в то же время в каждом из них конкретизируется в менее абстрактных, лексико-категориальных семах, репрезентирующих, например, различные действия (*писать*, *гладить*), состояния (*спать*, *волноваться*), собственно процесс (*вытягиваться*, *уменьшаться*) и т.д. В основе дальнейшей дифференциации глагола на соответствующие подклассы в пределах того же самого грамматико-семантического (частеречного) уровня лежат семы субкатегориальной природы. В литературе встречается различная субкатегоризация глагольной лексики (см. например их обзор в [5]).На этом же уровне абстракции в семантике глагола выявляются семы бытийности и становления процессуального признака, однако аспект их выявления иной, чем в вышерассмотренном случае. Эти семы представляют собой языковую реперезентацию статичности/динамичности обозначаемых глаголом отношений между предметами внеязыкового мира, отражающих как пространственную, так и временну́ю связь[3, с.18]. Так, например, в семантике глагола *стоять* вербализовано статическое отношение между субъектом и локумом, в глаголе же *вставать* – динамическое отношение, что выявляется при глубинно-семантической трансформации значений этих глаголов: *стоять* = ʽбыть стоящимʼ, *вставать* = ʽстановиться стоящимʼ. По семам бытийности/становления регулярно противопоставляются статические и динамические глаголы пространственной локализации. Эти семы также могли бы быть положены в основу дифференциации глагольной лексики, однако выделенные на их основе группировки, не будучи связаны с предшествующей ступенью, дифференциации, оказались бы за пределами общей иерархии глагола. Совпадая по уровню абстракции с семами, конкретизирующимипроцессуальный признак как действие, состояние и т.п., указанные семы могут различным образом сочетаться друг с другом в семантике отдельных типов глаголов, образуя при этом различные пересекающиеся группировки. На ещё более низкой ступени абстракции находятся лексико-семантические признаки, которые специфическим образом характеризуют лексико-категориальную семантику глаголов. Так, значение действия может быть конкретизировано в семантике глагола как

движение (например *ходить*, *плыть*, *вертеться*), физическое воздействие (*колотить*), интеллектуальная деятельность (*воображать*) и др. Такие семы имеют лексико-категориальную природу ещё более низкого уровня абстракции, Они лежат в основе дальнейшей субкатегоризации глагола – выделения в его пределах лексико-семантических парадигм, называемых лексико-семантическими группами. Дальше глаголы дифференцируются на основе семантических категорий ещё более низкого уровня абстракции. Например, круг глаголов движения включает в себя подсистему глаголов перемещения, вращательного движения и движения зафиксированного в пространстве предмета (ср. *перемещаться – вертеться – шевелиться*). Основаниями дальнейшей дифференции глагольной лексики являются абстрактные лексико-категориальные семы‘общая направленность перемещения’ (конкретизирована в семаходнонаправленно’ и ‘неоднонаправленно’, соответственно представленных например в значениях глаголов *плыть* и *плавать*), ‘пространственное расположение’ (конкретизировано в значениях глаголов вертикального, горизонтального и т.п. расположения, соответственно *стоять*, *ставить* и *лежать*, *класть*) и т.п. Субкатегоризация таких классов может продолжаться – вплоть до выделения отдельных глаголов. Абстрактные семы в семантическом пространстве глагольных классов выполняют двоякую функцию: идентифицирующую – по отношению к единицам, находящимся на последующей ступени иерархии класса, и дифференцирующую – по отношению к единицам предшествующей ступени. Конкретные же семы выполняют как правило дифференцирующую функцию. В структуре значения глагольного слова могут содержаться семы дополнительно специфицирующего характера, отражающие вновь возникающие или познаваемые носителем языка аспекты внеязыкового мира. Таковыми являются например семы ‘производя шум ногами’, ‘мелкими частыми шагами’ и под. – соответственно в значениях глаголов *шлёпать* и *частить, семенить*. Таким образом, строение глагола как лексико-грамматического класса характеризуется многомерностью, высокой степенью иерархизованности своей семной структуры, динамизмом, постепенным переходом от абстрактного к конкретному.

В семантике глагола присутствуют, как известно, грамматические семы синтагматической природы. Синтаксичность семантики глагольного слова предопределено общекатегориальным значением процессуальности: процессуальный признак репрезентирует в глагольной семантике в обобщённо-типизированном виде представления о различных отношениях между реалиями внеязыкового мира, а также – одновременно–и о самих этих реалиях. В последнем случае это функционально различающиеся синтагматические семы (синтактико-семантические категории, категории синтаксической семантики) – такие, как субъектность, объектность, адресатность, локативность, директивность и т.п. Функциональная природа и количество синтагматических сем глагольного слова проявляют себя как его валентностный потенциал, реализуемый конкретным образом в контексте высказывания в соответствии с его содержанием. Так, например, глагол *сидеть* в основном значении содержит в себе обобщённо-языковые представления о субъекте-лице и о месте, в пределах которого лицо может быть локализовано. Здесь отражено локативное отношение (отношение пространственного нахождения) между реалией-субъектом (это может быть живое существо: человек, Петя, собачка Жучка и т.п.) и реалией-локумом (местом) (диван, крылечко и т.п.), например: *На крыльце сидит его старуха…* (Пушкин). Это обстоятельство даёт учёным основание рассматривать глагольное слово как свёрнутое, конденсированное, типизированное обозначение целостной ситуации, «свёрнутое предложение», «скрытую синтагму» (см. об этом например: Т.Б.Алисова, Ю.Д. Апресян, Л.М. Васильев и др.). Многие исследователи указывают на универсально-языковой характер категорий синтаксической семантики и устанавливаемых между ними отношений типа «деятель – действие», «деятель – действие – объект действия», «деятель – действие – объект действия – адресат» и др. По-видимому это объясняется однотипностью логики мышления для говорящих на любом языке, на что также обращается внимание в научной литературе и является самоочевидным для людей, владеющих несколькими языками. Это обстоятельство может быть продуктивно использовано в практике изучения иностранных языков для оптимизации процесса их усвоения: глагольный компонент высказывания, «обнажая» его синтаксическую структуру, позволяет прогнозировать, пусть и самым общим образом, его семантику (вспомним опыт Л.В. Щербы сего*_глокойкуздрой_). Синтаксичность семантики глагольного слова обеспечивает ему роль не только конструктивного, но и обобщённо-содержательного ядра высказывания. Признание синтаксичности глагольной семантики может быть поддержано с позиций истории глагола. В некоторых современных языках глагол в процессе функционирования в составе высказывания включает в свои спрягаемые формы местоименные показатели. Так, этот показатель в том или ином, но вполне идентифицируемом виде регулярно присутствует в спрягаемых формах глагола в современных тюркских языках. Например, в башкирском*уҡыйбыҙ* ‘мы читаем’ компонент -*быҙ* дублирует семантическую и материальную природу местоимения I лица множественного числа *беҙ*. То же самое констатируется в отношении форм *уҡыйһың*(*һин*) ‘ты читаешь’,*уҡыйлар*(*улар*) ‘они читают’ и т.д. Интересно, что показатели лица получают в башкирском языке также именные формы сказуемого: *аҡыллымын* ‘я умный, умная’, *уҡыусыбыҙ*

ʽмы ученикиʼ [ср.6].Подобную формально-семантическую контаминацию личных местоимений и глаголов можно наблюдать в отдельных формах и в славянских языках, например в старославянском *имамы* ʽмы имеемʼ, в польском *czytamy* ʽмы читаемʼ. В.З. Панфилов отмечает: «В некоторых языках глагольное сказуемое исторически включало вначале слово со значением «вещь», «нечто», «что-то» или «некто», «кто-то», затем местоименный показатель, и лишь в дальнейшем обозначение действия как признака не осложнялось такого рода субстантивными показателями» [7, с. 109, 144–157]. С. Д. Кацнельсон считает не лишённым основания предположение о том, что образованию и дифференциации имён и глаголов генетически предшествовало существование описывающих целостные образы синкретических слов, «в которых неразрывно сочетались предметы и их призначные характеристики» [8, с. 182–183].

Наличие у глагольного слова синтагматических сем и их функциональная направленность предопределяются содержанием лексико-семантической части его значения. Так, например, присутствие в значении глаголов *давать*, *посылать* синтагматических сем объектности и адресатности обусловлено наличием в них лексической семы транзитивности; семантика локативного отношения у глаголов пространственного расположения предопределена лексической семой нахождения; наличие семы инструментальности в значениях глаголов типа *писать*, *резать* вытекает из семантики целесообразной деятельности.

Итак, иерархизованная семантическая структура глагольного слова предопределяет последовательность его поуровневого вхождения в иерархизованную же структуру лексико-семантической системы языка на основе парадигматических связей. Номинативная природа глагола обеспечивает ему место в пространстве структурно-семантического класса номинативной лексики; общекатегориальный компонент его значения (процессуальность) локализует место глагола в кругу грамматико-семантических классов – частей речи. Каждый глагол содержит в своей семантике субкатеориальный признак обобщённо-лексической природы (например вербализация действия, процесса, отношения и т.д.). На следующем уровне иерархии значения глагольных слов выявляются его индивидуально-лексические признаки, и вся совокупность глагольной лексики оказывается представленной отдельными конкретными лексико-семантическими вариантами слов. Каждая из этих единиц содержит в своём значении конкретные грамматические компоненты, которые определяют их вхождение в пересекающиеся структуры, поскольку они могут содержать несколько таких семантических признаков родовидовой соотнесённости, эксплицированных в формах соответствующих единиц и традиционно называемых грамматическими категориями (например грамматическая категория лица конкретизирована в грамматических значениях первого, второго, третьего лица и т.д.). На этом – низшем – уровне семантической дифференциации глаголов их лексико-семантические варианты обнаруживают отношения непрерывной семантической связанности и способность группироваться в различные лексико-семантические парадигмы – например на основе отношений синонимии, антонимии, родовидовой соотносительности, лексико-семантической близости, внутрисловной связанности (полисемия) и др., а также на основе синтагматических связей. Таким образом, здесь можно наблюдать принципиальную изоструктурность семантики глагольного слова и всего глагола как грамматико-семантического класса лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Либроком, 2009.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука. 1975. 559 с.
3. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М. 1982. 367 с.
4. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск: Изд. Томского университета. 1999. 262 с.
5. Ибрагимова В.Л. Категориальная семантика глагольного слова и проблема типологии глагола // Исследования по семантике: Семантика языка и речи. Межвузовский науч. сб. Вып. 16. Уфа: РИО БашГУ. 1991.
6. Баскаков Н. А. К вопросу о структуре сказуемого в тюркских языках // Советская тюркология. 1972. № 2.
7. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. М.: Наука, 1977. 287 с.
8. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986. 299 с.
9. Грамматика современного русского литературного языка. М. 1970.
10. Русская грамматика. Ч. I.М.: Наука, 1980. 789 с.

Поступила в редакцию 17.06.2014 г.

A VERB IN SEMANTIC FIELD OF LEXICS

© V. L. Ibragimova

Bashkir State Sniversity
32 Zaki Validy st., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Phone: +7 (917)429 31 18.
E-mail: ivl334@yandex.ru

One of the manifestations of the ontology of language is its inclusivity: the latter is represented as the entire system of systems, included into each other objectively, crossing in different ways and characteristics and revealing various kinds of relations against each other. The article deals with the issue of the graded differentiation of lexico-semantic area of language as an entire multilevel system, the reasons of this differentiation are presented: the method of relatedness of the level of units with realia of extralinguistic world; integral; grammatical and semantic; lexico-grammatical; categorical and lexical; individually lexical. As part of the global differentiation of lexicon the verb as a form of words of processual semantics is considered, its further subcategorization on grammatical and lexical basis, the specificity of meaning of a verbal word at all levels of lexical-semantic system of a language. System-differentiated nature of this class of units is described, within which increasingly particular subsystems are included The syntagmatic role of the verbal word as a core of a statement is thoroughly considered, its capability to predict a structure of a statement and its generalized semantics, which gives reason to analyze a verbal word as a reduced clause. The systemic approach to the investigation of verbal word makes it possible to elicit its paradigmatic (interlevel, intralevel, intraword) as well as syntagmatic relations; all these are defined by relevant components of semantics of a verb. On the ground of the analysis the essential isostructurality of semantics of a verbal word and the whole verb as grammatical and semantic class of lexis is stated.

Keywords: *verb, semantics, category, meaning, system, level, unit, relation, identification, differentiation, entire, systemic, hierarchy, integral, abstract, concrete, multidimensional.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Vasil'ev L. M. Sovremennaya lingvisticheskaya semantika [Modern Linguistic Semantics]. Moscow: Librokom, 2009.
2. Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike [Selected Works. Russian Grammar Studies]. Moscow: Nauka. 1975.
3. Bulygina T. V. Semanticheskie tipy predikatov. M. 1982.
4. Lebedeva N. B. Polisituativnost' glagol'noi semantiki (na materiale russkikh prefiksal'nykh glagolov). Tomsk: Izd. Tomskogo universiteta. 1999.
5. Ibragimova V. L. Issledovaniya po semantike: Semantika yazyka i rechi. Mezhvuzovskii nauch. sb. No. 16. Ufa: RIO BashGU. 1991.
6. Baskakov N. A. Sovet-skaya tyurkologiya. 1972. No. 2.
7. Panfilov V. Z. Filosofskie problemy yazykoznaniya [Philosophical Problems of Linguistics]. Moscow: Nauka, 1977.
8. Katsnel'son S. D. Obshchee i tipologicheskoe yazykoznanie [General and Typological Linguistics]. Leningrad: Nauka, 1986.
9. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Grammar of Contemporary Russian Literary Language]. M. 1970.
10. Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Ch. I.M.: Nauka, 1980.

Received 17.06.2014.